

*каравай,
каравай*

сергей примаченко

Сергей Алексеевич Примаченко

Каравай, каравай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69849148

SelfPub; 2024

Аннотация

В школе происходит что-то страшное – пропадают ученики. Молодая учительница и её друг милиционер пытаются разгадать эту тайну.

Сергей Примаченко

Каравай, каравай

Уже звенел в воздухе первый осенний ветерок. Приятно пахло дымком и первой опавшей листвой. Лена зажмурилась и подставила лицо солнечным лучам. Последнее осеннее солнышко. Потом – дожди, дожди...

– Лена Сергеевна, – донеслось до неё.

Детишки не дадут заскучать. Её второклашки, как и вся школа, вышли на субботник. Только убирать листву никто не захотел. Разбежались по площади, гоняются друг за дружкой, хулиганят. Её класс! Как же она гордится им.

– Что случилось?

– А Денис дразнится.

– Она первая начала.

Ох, уж этот Дениска! Шкодливого мальчик. Маше от Дениски достаётся, а ещё соседи... Надо быть построже. А как быть построже? Лена пошла к малышам. Стоят оба насупившись, смотрят исподлобья. Ну прям как...

– Ну что, мои воробышки? – Лена улыбалась и смотрела то на одного, то на другого. – Мириться будем? Дениска, ты первый. А ты, Маша..., – и осеклась. Про Машу-то она совсем забыла. Вот дурёха так дурёха!

– Так, дети! Ну-ка, все ко мне! Встали, встали. Взялись за руки. Маша, а ты вставай в центр. Хорошо. Так, все готовы?

И, начали. Как на Машины именины испекли мы каравай.

И дети хором подхватили: – Вот такой ширины. Вот такой вышины. . .

«Каравай, каравай. Кого хочешь выбирай. . .».

Детишки дружно пели и вместе с ними пела Лена. Лена Сергеевна, как её называли ребята. Их классный руководитель.

Она как чувствовала, что эти выходные будут последними тёплыми денёчками. Понедельник, с утра льёт дождь, небо осело под гнётом серых туч. Ветер вырывал зонтик, который, по правде, и не особо спасал от холодных косых струй. Вся мокрая Лена забежала в учительскую, обговорила все свои дела и спустилась в вестибюль за своими учениками. Неделя началась.

– Итак, дети, как отдохнули? Продолжим учиться? Все на месте?

– Дениса нет, – раздался голос.

– А что с ним? Ладно, после уроков навещу его. На чём мы остановились. . .

Уроки шли своим чередом, когда в коридоре за большими стёклами Лена увидела человека в милицейской форме и смокла. Она знала его. Игорь Митрохин, участковый. И бывший одноклассник. Остановился перед её классом, по-

том сел на подоконник и стал ждать перемены. Но Лена ждать не могла. У неё внутри всё остановилось.

– Дети, я сейчас, – проговорила она и вышла в коридор. Инспектор резко поднялся и неловко взял под козырёк.

– Елена Сергеевна...

– Здравствуй, Игорёк.

Она всегда так его называла. И здесь назвала, хотя не стоило, наверное. Всё-таки участковый. Лейтенант. Тогда, после школы их пути разошлись. Лена пошла в педагогический, про Игоря и думать забыла. А когда узнала, что он теперь их участковый, несказанно этому удивилась. Игорёк – и милиционер. Опорный пункт размещался прямо в Ленином доме, в первом подъезде. Они встречались иногда, когда Лена шла на работу или возвращалась из школы. Здоровались и шли дальше по своим делам. К чему-то вспомнила его неловкие ухаживания на выпускном вечере, но тут же выбросила эти воспоминания из головы.

– Ты ко мне?

– Денис Шмаков пропал.

Вот так вот, выдал сразу! Наверное и сам не мог больше в себе держать.

Лена не поняла вначале, быстро оглядела класс, словно не веря инспектору. Нервно улыбнулась, но улыбка получилась испуганной. Ею она попыталась дать понять, что он ошибается, все дети на месте и тут же укорила себя, вспомнила, что сама же спрашивала о Денисе. Но, как такое возможно?

Что значит – пропал?

– Что значит – пропал? – Этот вопрос она уже произнесла вслух.

– Мама пришла его будить, а кровать пустая, – Игорь не глядел на Лену. – Холодная.

Это был обычный понедельник и это было только началом. В течение недели пропали ещё двое детей. И оба из Лениного класса.

Она не хотела идти домой. Здесь, в классе, ей было лучше. Казалось, что все они вместе, рядом. Её воробышки. Все на своих местах, чирикают себе что-то. И не было этих исчезновений, этой боли. Здесь ей казалось, что невидимые нити сплели их в один крепкий клубочек, а стены класса охраняют от всех напастей. Прошла неделя, а результатов нет. Весь город искал ребят, из Москвы прислали группу, но всё впустую. И никто ничего не видел и не слышал. «Мистика какая-то», – думала Лена и сама себя одёргивала. Её несколько раз вызывали. Корнилов, следователь из Москвы, всё её расспрашивал, расспрашивал, а у самого взгляд такой осуждающий, что, мол вы, Елена Сергеевна, за классом-то не уследили? Тоже мне – педагог. Глаза заволокло слезами. Лена машинально их вытерла и с трудом заставила себя подняться. Так дело не пойдёт. Надо собраться и придумать, наконец, что-нибудь. Почему-то она была уверена, что ребята найдутся. Спроси у неё, откуда такая уверенность, она ничего бы не

ответила. Но твёрдо знала, что в её силах остановить всё это безумие. «Мы не там ищем. Не там. Здесь что-то другое». Но что это «другое» Лена и сама не могла объяснить. Не могла ни увидеть его, ни пощупать. А пока она навестит Игоря. Может вдвоём у них лучше получится.

Лена подошла к своему дому. В последнее время она всегда оглядывала окна участка, но зайти никак не решалась. В окне горел свет. «Работает Игорёк». Постучала и не дождав-шись ответа, вошла. Горы бумаг, какие-то карты, планы. И за всем этим лохматая голова Игоря с красными, воспалённы-ми от недосыпа, глазами. «Ему, наверное, больше всех до-стаётся».

– Они все из одного класса, – Игорь нервно ходил по ка-бинету. Не мог усидеть. Подойдёт к окну, постоит, подумает, и задаст какой-нибудь вопрос. А Лена по мере сил пыталась отвечать. Может, что и нащупают на пару.

– Это должно что-то значить?

– Пока не знаю. Вспомни хоть что-нибудь. Они же всё вре-мя перед твоими глазами. Хоть что-то.

– Я не понимаю, о чём ты? Они же дети. Обычные дети.

Корнилов, следователь присланный из Москвы, тоже до-пытывал её. Но что она могла рассказать? Ведь ничего не предвещала беды.

Лена надолго задумалась. Вспоминала последние дни.

Каждого ученика в отдельности и в классе. Вспоминала их на уроках, на переменках. Перед ней мелькали страницы из тетрадок. Она помнила почерк каждого своего ученика. Их оценки. Разговоры, смех, слёзы... Слёзы. Только вчера она успокаивала Машу Тихорецкую. Таня Кошкина посмеялась над её рисунком, а потом и вовсе порвала его. Маша расплакалась, и Лена отчитала Таню. Это она помнила хорошо. А что было потом? Девочки помирились? Лена забыла. И вдруг её словно холодной водой окатило – она вспомнила Машин взгляд, каким она провожала свою обидчицу. Ледяной, долгий, не по-детски тяжёлый. Что-то Маша сказала потом. Что-то вроде «не простит» или «он не простит»? А Денис Шмаков? Это же первый Машин обидчик. Сколько она от него натерпелась! Денис, Таня, Валерик Обухов. Валера пропал последним. Неужели и у него с Машей возник какой-то конфликт?

Лена, всё это время просидев, сгорбившись, на неудобном стуле, внезапно выпрямилась. А не эта ли мысль посетила её недавно в классе? Мысль о том, что они всё делают неправильно.

– Ты чего? – недоумённо спросил Игорь.

Но Лена лишь погрозила ему пальцем, мол, не мешай. Маша Тихорецкая. Милая, тихая девочка. Подстать своей фамилии. Постоянно что-то рисует в своём альбоме. Всегда одна. Родители то и дело в разъездах, в экспедициях. А бабуш-

ка присматривает за внучкой. И что всё это значит? Лена ужаснулась своим мыслям. Она что уже, Машу подозревает? Ну и дела!

– Вот что, Игорёк.

– Хватит звать меня Игорёк.

– Ничего это не даст.

– Что не даст? Ты что-то вспомнила? Говори же!

Снова собирался дождь. Лена спешила. То и дело поправляя выбивавшиеся из-под платка волосы, она почти бежала к дому Тихорецких. Благо, что на соседней улице. Какой же бред у неё в голове? И почему она так уверена в том, что Маша имеет к этому прямое отношение? Её сама такая уверенность пугала. Но раз решив, она уже не могла остановиться. Обычные поиски ни к чему не привели и поэтому любая версия, как бы дико она не звучала, имела право на существование.

Дверь открыла Машина бабушка.

– Здравствуйте, Зоя Ивановна. Мне бы с Машей поговорить.

– Проходи, дочка.

Зоя Ивановна впустила Лену и сама ушла на кухню. До Лены доносились её старческие вздохи и тихое причитание. Она уже была у Тихорецких и знала, где Машина комната. Постучав, приоткрыла дверь и, напустив на себя бодрый вид,

заглянула внутрь. Девочка, как будто, ждала её. Она отложила тетрадку и посмотрела на Лену.

– Здравствуйте, Лена Сергеевна. Вы хотели спросить про ребят?

– Ты расскажешь мне?

Лена слушала Машину историю и не понимала, в какой реальности находится. В Машинном мире всё казалось таким простым и закономерным. Но ведь такого не могло случиться. Ведь, правда, не могло!

– В тот день, когда мы пришли из школы, мне было очень грустно. Бабушка испекла пирог, но я его совсем не ела.

Маша водила своим пальчиком по розовым колготкам и шмыгала носом.

– Я стала рисовать. Я всегда рисую, когда мне грустно. Вспомнила песенку про каравая и нарисовала его. А Дениска всю дорогу до дома меня доставал. Вот я и попросила каравая, чтобы он забрал Дениску. А потом эта Танька! Порвала мои рисунки и сказала, что рисует лучше меня. Я очень разозлилась на неё.

Маша вздохнула.

– Снова позвала каравая.

Девочка смотрела на Лену. Долго смотрела, решая что-то в своей головушке.

– А с Валеркой мы дружили с детского садика. А он... – всхлипнула Маша, – он...

Лена не двигалась. А что она хотела услышать? Разве не об этом она смутно догадывалась? Не об этом намекала Игорю? Ведь в классе она сама почувствовала, что в этой истории, есть что-то странное и... непохожее. Так, наверное.

– А как ты его зовёшь? Можешь показать?

– Могу. Только...

– Что такое?

Но Маша промолчала. Она вышла на середину комнаты и раскинула руки. Лена с тревогой наблюдала за ней. Девочка закрыла глаза и медленно закружилась. Послышалось тихое пение: – Каравай, каравай. Кого хочешь выбирай.

Маша кружилась, раз за разом повторяя эту строчку из песни. Лена поймала себя на мысли, что смотрит на это представление абсолютно серьёзно. Девочка кружилась всё быстрее и быстрее. Её тонкий голосок разносился по комнате, поднимался всё выше и выше. У Лены самой закружилась голова, но, внезапно, пение оборвалось. Запыхавшаяся Маша села рядом с ней и понуро уставилась в пол. Чуда не произошло.

– Только он не придёт, – тихо произнесла девочка.

– Почему?

– Он меня больше не слушает.

А потом Маша заплакала.

– Он плохой. Плохой. Я хочу, чтобы они вернулись.

Прощаясь, Лена долго стояла в коридоре и молча глядела

на Машу.

– Лена Сергеевна, вы мне не верите.

Это был даже не вопрос. Маша ушла в комнату и скоро вернулась, неся в руках альбомный лист.

– Вот, это каравай. И он мне больше не нужен.

Сказала и убежала обратно.

Лена взгляделась в рисунок, будто он мог дать ответы на все вопросы, что терзали её. Видно, девочка плохо представляла, что такое каравай и поэтому её «каравай» больше походил на мультяшного колобка. Плохого колобка. В глаза сразу бросался огромный отвратительный рот с мясистыми губами. Озорные глазки прятались за набухшими веками. Руки-спички. Сверху Маша написала «Мой друг Каравай». Лена положила рисунок в портфель и хотела пойти к Маше, но остановилась. Слов не было. У неё не было ничего, что она могла бы дать этой девочке. Тихонько закрыв за собой дверь, Лена спустилась во двор и только тут смогла глубоко вдохнуть.

На третьем этаже заморгала лампочка, от ветра скрипнула фрамуга. У Лены закружилась голова. Вот сейчас, стоя на лестнице, вцепившись побелевшими ладонями в перила, на фоне всей этой подъездной иллюминации, она поняла, насколько ей страшно. Страх, до поры дремавший на пороге, сейчас жадно протянул свои липкие руки. Едва зайдя в квартиру, Лена рухнула на кушетку. Не раздеваясь, в гряз-

ных туфлях. Внутри всё дрожало и переворачивалось.

«Надо бороться. Соберись». Но как бороться с тем, чего нет? Как – нет? А разве эти исчезновения не реальны? А этот страх? А Машин танец? Рисунок, наконец?

Лена пошарила рукой и открыла портфель. На ощупь достала рисунок и поднесла к глазам. И тут же зажмурилась. Долго не могла решиться снова посмотреть. Собиралась с духом. Медленно, по миллиметру, приподняла одно веко, затем второе... Так и есть. Рисунок был пустым. Точнее – пейзаж, надпись – всё это осталось. А вот самого каравая не было. На его месте осталось лишь белёсое пятно.

– Зоя Ивановна, это снова я.

– Забыла чего?

– Да..., да... я на секундочку, – Лена в нетерпении топталась на дверном коврикe.

– Ну, иди. Чего уж там? – Зоя Ивановна запустила Лену, а сама пошла досматривать телевизор. «Ну хоть ничего не спрашивала», – облегчённо подумала Лена. Прошла к Маше. Та вся зарёванная бросилась к ней.

– Лена Сергеевна! Я боюсь.

– Машенька, солнышко моё. Не плачь. Скажи мне, а вот этот дом ты тоже выдумала?

Маша оторвала лицо от ладошек и посмотрела на рисунок.

– Я не помню. Может быть.

– Вспомни, пожалуйста. Может ты его где-то видела?

Маша задумалась, а потом слегка кивнула.

– Видела. На речке.

«Старая водокачка. Я тоже её узнала». Лена присела на корточки и обняла девочку за колени.

– А каравай может быть там?

– Наверное.

– Маленькая, одинокая девочка, которой не с кем поговорить, за которую некому заступиться, придумала себе друга. Друга-защитника. И, представь себе, он ожил.

Разъярённая Лена металась по кабинету участкового. Битый час она пыталась втолковать этому олуху, что знает, как можно вернуть детей. А Игорь лишь уклонялся, от её пикировок и с опаской поглядывал на телефон. Не ровён час, понадобится.

– То есть, как ожил?

– Да вот так! В Машинном мире всё реально. И её реальность вытеснила нашу. Подвинула её. Я не знаю, как ещё это объяснить!

Лена в отчаянии всплеснула руками.

– Ты сама то веришь во всё это?

Лена так резко наклонилась к нему, что лейтенант невольно отпрянул.

– Я задам тебе только один вопрос. И только один раз. Ты мне поможешь?

Скатившись с размякшего от недельных дождей холма, Лена с Игорем подошли к водокачке. Сколько ей лет никто толком не знал. Но здание из почерневшего, покрытого мхом кирпича выглядело просто древним. Почему Маша нарисовала именно его? Зачем поселила своего «друга» в этом странном доме? На все эти вопросы ответы, конечно, найдутся. Но, не сейчас. После.

– Открывай, – Лена указала на замок.

– Мы здесь всё уже осматривали, – недовольно пробубнил Игорь. – Корнилов...

– Открыва-ай. Терпение у Лены заканчивалось. К этому состоянию можно было прибавить ещё то, что она совсем не представляла, как ей действовать дальше. В том, что она на правильном пути, Лена не сомневалась. Здесь обитает каравай. Здесь его реальность. И с недавних пор таковой стала реальность Лены.

Заскрипела дверь. Пахнуло плесенью и ржавыми трубами. Игорь посветил фонариком внутрь и уже сделал первый шаг, но Лена его остановила.

– Игорёк, знаешь, что? Ты постой в стороне.

– Это ещё что за шутки?

– Мне кажется так будет лучше. Ты можешь помешать. Нет, не так. Твоё неверие.

– Да откуда ты можешь знать?!

– Просто знаю.

– Тоже мне, Хозяйка Медной горы.

Лена не стала дальше спорить. Отобрала фонарь и проскользнула в тёмный зал. Прошла чуть вперёд и замерла. Где-то чуть слышно капала вода, ветер свистел в невидимых щелях. Где-то здесь прятался каравай. Злое чудовище, придуманное маленькой и очень ранимой девочкой. Лена кашлянула, прочищая горло, и запела. Она знала, как его позвать.

– Каравай, каравай. Кого хочешь выбирай...

Пела тихо, вполголоса. По телу бегали мурашки, волосы на затылке шевелились, но Лена продолжала петь. Страх непонятным образом придавал ей сил. «Вот сейчас ты появишься, а дальше мы решим». Мысль мелькнула и пропала. Что решим и как, она не знала сама.

– ...кого хочешь выбирай.

Раздался шорох, и перед Леной выкатился мяч. Мяч-переросток. Покачался из стороны в сторону и резко крутанулся на месте. Лена увидела уже знакомый мерзкий рот, маленькие пороссячи глазки, щербатую кожу. Каравай!

– Кто это у нас здесь? – с наигранным удивлением произнесло чудовище. Голос писклявый, такой же противный, как и он сам.

«Он говорит». Этот факт напугал Лену ещё больше. Она запнулась. Неловко сделала шаг назад. Оступилась. Каравай медленно накатывался на неё. Не отрывая своих жёлтых вни-

мательных глазок. Улыбка сделалась ещё шире. Тонкие ручки потянулись к ней, огромный рот раскрылся. Внутри каравая уже зарождался булькающий от предвкушения смех...

И тут раздался выстрел. Каравай охнул, его лицо побагровело. Он как-то сразу съёжился, осел. Монстр с недоумением уставился на свой живот, который уже начал расползаться. Схватился за края руками, пытаясь их соединить. Уже не смех, а горький скулёж раздавался из его широкого рта. И внезапно затих. Каравай был мёртв. Из развороченной утробы, с чуть слышным стоном, выкатились детские тела. Мокрые, посиневшие, но – живые. Лена словно очнулась, бросилась к ним, на ходу рыдая и смеясь, оттирая хлынувшие слёзы. Рухнула на колени, каждого ощупывая и обнимая. Всё также рыдая, гладила по головам и не переставая приговаривала: – Живые, живые. Воробушки...

Уже сидя в коридоре городской больницы, где как полумные носились доктора и медсёстры, Лена спросила: – Ты ведь не жалеешь?

Игорь устало улыбнулся.

– Нисколько. А Корнилов пусть идёт к чёрту. Мы детей нашли.

Лена слегка взяла его под локоть

– Как ты вообще додумался выстрелить? У меня ведь и плана никакого не было. А когда его увидела, то совсем рас-

терялась.

– Ты же сама говорила – надо только поверить. Вот я и поверил, что моя пуля остановит это чудовище.